

Общеизвестно, что есть промежуток между рождением и первой сознательной мыслью. В этом младенчестве человек просто существует, полностью во власти стихий. Затем происходит уникальное событие, искра истинной мысли, которую каждый мужчина и женщина могут вспомнить как момент, когда завеса была поднята и они наконец смогли видеть. В тот момент, когда они поднялись из царства животных инстинктов в род людской. Рождение культиватора почти такое же. Искра, поднятие завесы и обнаружение пневмы.

Я испытал и то, и другое в один и тот же момент. Мне было три года, когда я впервые стал свидетелем обрядов инициации Розовой Зари. Отец держал меня на сгибе правой руки, пока он вызывал гнев небес левой. Это был удар, что пробудил мою спящую душу. Он держал меня в этой руке, когда мы в одиночестве спускались в глубины восточного горного хребта Алого Города. Он держал меня, приближаясь к рассечённому пополам труп павшего бога солнца.

Мой отец держал меня, когда труп протянул руку и положил ладонь мне на лицо.

— Это справедливость, — сказал он мне. — Запомни его лицо. — Но я никогда не мог.

Я решил показать Солу город. Это было вполне подходящее время для этого. Улицы Аликоса были полны горожан, метеков, вольноотпущенников и рабов, все они суетились, готовясь к играм. Иностранцев было много, они вели повозки и соблазнительно размахивали тканью и украшениями перед прохожими. Они были подобны наводнению, хлынувшему из каждой безымянной деревушки на геополитической орбите Алого Города.

Несмотря на толпу тел, нам с Солом дали относительно почтительное расстояние, когда мы шли по улице. Я был достаточно хорошо известен среди горожан, чтобы уважение стало само собой разумеющимся, а свежее испечённый наряд мистика Сола привлекал внимание задолго до того как это сделали его рабские наручники.

Естественно, он всё равно нашёл повод его критиковать.

— Это ни в малейшей степени не практично, — проворчал он, выдёргивая край своей туники из-под ног проходящего Аликона. Нам дали больше места, чем большинству, но на более узких улицах в это время года было не так много места, чтобы разойтись. Гражданка упала на камень, уже крича от возмущения, только для того, чтобы этот крик умер у неё в горле, когда она заметила отличительную форму Розовой Зари.

— Правильно носить её - это навык, — беззаботно сказал я. Самые дальние края моей ткани были чистыми, нетронутыми даже дорожной пылью. Он нахмурился, когда я слегка переместился ровно настолько, чтобы избежать проходящего мимо метека с небрежной грацией. — В конце концов ты научишься.

Он сместил свой следующий шаг ровно настолько, чтобы зацепить край моей туники. К сожалению, я знал его достаточно хорошо, чтобы ожидать этого, и он промахнулся на ширину пальца. Его хмурый взгляд стал ещё глубже.

— Вы, Греки, всё делаете сложнее, чем нужно.

— Да, потому что тога гораздо практичнее, — сказал я, закатывая глаза. — Критиковать достаточно легко, но не веди себя так как будто ты лучше. Половина величайших культурных достижений твоего города - это заслуга проезжавших мимо Греков, и это ещё щедрая оценка.

— Лучшие части Рима никогда не были затронуты Греческими руками, — сказал он. Вероятно, это было распространённой поговоркой среди легионов. В конце концов, им нужно было что-то сказать себе для поддержания боевого духа.

Я усмехнулся: «Лучшие части Рима – это соль и пепел».

Выражение его лица помрачнело. К счастью для общественного порядка, мы как раз добрались до места назначения. Я проскользнул в термополиум, и, не имея в руках ничего, что можно было бы бросить, посвящённому рабу ничего не оставалось как следовать за мной. Он вошёл с горящими глазами, но тут же отвлёкся.

Термополия была коммерческим заведением, прославленными барами, где уставшие от работы метеки и вольноотпущенники могли собраться, чтобы выпить и поесть плохо приготовленной еды. Уважаемый горожанин не позволил бы себе быть замеченным в них, и по этой причине они были идеальным убежищем для подонков и всевозможных преступников. Если бы старейшина обнаружил, что член Розовой Зари покровительствовал такому заведению, его бы жестоко выпороли. Это было место такого типа.

А этот, в частности, был ещё хуже. Он был не просто полон негодяев из низшего сословия и коварных воров. Он также кишел иностранными культиваторами, прибывшими, чтобы бросить вызов культам тайн Алого Города в играх.

— Зачем мы здесь? — тихо спросил Сол, оценивая комнату. То же самое делали несколько недружелюбных глаз. Наша одежда была довольно своеобразной.

— Я уже сказал тебе. Мы здесь, чтобы поесть.

Они были обычным сбродом. Мужчины из бедных деревень на окраинах просвещённой цивилизации, одетые в лохмотья всего на шаг выше того, что носили наши собственные рабы. Слишком далёкие от свободных городов-государств Средиземноморья, чтобы регулярно пользоваться их покровительством, но достаточно высокомерные, чтобы думать, что, несмотря на это, они могут бросить нам вызов.

Оттенок их кожи больше напоминал высушенную кожу животных, чем бронзу. Их волосы были собраны в пряди или полностью сбиты. Они были детьми бедных фермеров и рыбаков, необразованными во всем, кроме самых очевидных вопросов естественной философии. Их культивация отражало это. И их панкратион был неизменно отвратным.

— Принеси нам несколько тарелок похлёбки, — приказал я своему рабу и младшему брату, кивая на каменную стойку в дальнем углу заведения. — Я голоден. — Он посмотрел на меня, всё ещё кипя над моим прошлым комментарием, но кивнул и отошёл.

Я подошёл к сидящему культиватору и положил обе руки на спинку его стула. Его товарищи за столом убийственно посмотрели на меня. Все они были одеты в потрёпанные ветром одежды, выкрашенные выцветшей жёлтой краской, обвивавшая их туловища, символизируя какую-то лачугу, которая их породила. У двоих через стол волосы были собраны в локоны. Тот, что был под моими руками, был выбрит налысо, с крепким телосложением и обветренной кожей, что свидетельствовало о тяжёлой трудовой жизни.

— Ты на моем месте, — просто сказал я ему. Он откинул голову назад, чтобы посмотреть на меня.

— Я не вижу на нём твоего имени.

Дерзость этих деревенских собак была чем-то особым: «Какое это имеет значение? Ты бы не смог его прочесть, даже если бы оно там было».

Собака оскалила зубы: «Иди к воронам».

Я отодвинул стул из-под него, заставив его упасть и топчась его ногами, когда он попытался подняться. Его побратимы закричали и бросились на меня через стол, один швырнул мне в лицо наполовину полную миску рыбной похлёбки, а другой вытащил обсидиановый кинжал и бросил его мне в грудь.

Я уклонился от летящей гушёнки и отбил нож, ударив по его плоской стороне, заставив его воткнуться в дальнюю стену. Другой рукой я схватил за шею более быстрого из двоих и яростно швырнул его в его побратима, ударив их черепами друг о друга с достаточной силой, что бы ошеломить быка. Они оба врезались в ближайший стол и рухнули без движения. Обитатели уже этого стола начали кричать и вытаскивать оружие из-за своих пролитых напитков. Слева от меня группа людей, похожих на постоянных посетителей, смотрела на меня с гнусными намерениями.

Моя пневма поднялась и всё остановилось.

— На этот раз я пощажу твою собачью жизнь, — любезно сказал я человеку под моей ногой. Белки его глаз были отчётливо видны, наполненные диким страхом как у загнанной в угол добычи. — Потому что, даже если бы ты умел читать, ты не смог бы увидеть моё имя отсюда. Тебе бы пришлось взобраться на ближайшую гору и посмотреть вниз, чтобы увидеть, что оно написано по всему городу.

Говорят, что по мере того как человек продвигается по этапам своего культивирования, вполне естественно, что его известность и его высокомерие растут в равной пропорции. Невзгоды – это способ небес напомнить людям, что, неважно как сильно они жаждут звёзд, они никогда не будут стоять среди них. Порок так же присущ образу жизни культиватора как и его добродетель, и попытка избежать его напрямую часто приводит к ещё худшему возмездию, чем обычно.

Я вёл то, что большинство назвало бы привилегированным образом жизни. Я наслаждался властью и влиянием, которых подавляющее большинство даже просвещённых граждан никогда не испытали бы за всю свою жизнь, даже с учётом долголетия, которое обеспечивало культивирование. То, что я жаждал ещё большего вдобавок к этому? То, что я решил рыскать по барам в городе и высматривать претендентов, чтобы доставать их, вместо того, чтобы готовиться к Дневным Играм правильным, добродетельным способом?

Это было поводом для исправления.

Человек в плаще с капюшоном выскочил из затемнённого угла комнаты, пылая пневмой, когда он набросился с техникой, которую я не узнал и не мог предсказать последствия. Его плащ скрывал цвет его туники под ним, такой же бледно-жёлтый как у мужчин, которых я избил. Интенсивность его пневмы была такова, что его многократно усиленная техника была слишком опасна, чтобы её блокировать. Я попытался передвинуть свою ногу, но культиватор, на которого я наступил, обхватил мою ногу с мстительной ухмылкой.

Я наблюдал за тем, что могло быть моей приближающейся смертью. Небесам свойственно поражать тех, кто упивается высокомерием. Это неизбежная истина, что люди рождаются смертными и умирают смертными. Пик Олимп Монс был не чем иным как бесконечно далёкой фантазией. Глаза культиватора были цвета холодной травы.

Сол появился в пустом пространстве за культиватором, схватил его голову и проломил ею каменный стол. Он дёрнулся один раз и обмяк.

Конечно, мы всё равно бросали вызов небесам. Это было наше призвание.

— Хо, ты не торопился, — сказал я, злобно наступая на горло лысому культиватору. Он закашлял и тяжело вздохнул, царапая горло. Я поправил стул и сел. Сол сел напротив, поставив две миски с тушёным мясом, которые он балансировал в другой руке.

Я прожил свою жизнь по правилам культа. Где были края этих границ, воли моего отца и воли небес? Как далеко я мог зайти за них?

Когда придут мои невзгоды?

Пришло время узнать.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3109122>